ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ

(В контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности»)

УДК 101.9

С.В. БОРИСОВ

Современность – личная оценка мироустройства под углом проблемности своей жизни и поиск способа решения проблем. Модерн же – протестный потенциал современности, ее нацеленность на создание технологических средств решения проблем и пространства, где возможны именно технологические решения.

А.В. Павлов

О чем невозможно говорить, о том следует молчать.
Л. Витгенштейн

Человечество выработало множество способов манипуляции со временем. Время можно измерять, с помощью времени можно ориентироваться в пространстве, время можно покупать и продавать, время можно ускорить или замедлить и т.п. Все это – примеры объективации времени, когда осуществляется перевод онтологической проблематики в гносеологическое русло, что есть, по М. Хайдеггеру, – «забвение бытия». Происходит подмена тезиса, как в известной сказке Е. Шварца, если «теряешь» драгоценное время, то оно начинает нам «мстить», забирая наши лучшие годы и превращая нас в немощных стариков. По сути, проблема моего переживания временности подменяется проблемой «своевременности», когда мое время превращается в чуждую мне объективированную силу, навязывая мне свой жесткий и неумолимый ритм. С такого рода объективированным представлением о времени живут многие люди. Этой объективации времени человечество обязано, прежде всего, науке и пропагандирующей ее достижения позитивистской сциентистской философии. Ведь именно сциентизм порождает модерн. То, что раньше находилось в области чувств и переживаний, перешло в область объективного «измерения» посредством геометрических моделей этих чувств и переживаний в виде градуированных шкал и математических функций. Разум склонен больше доверять математическому расчету, нежели смутным и противоречивым чувственным данным. Это дает новое представление о времени. Можно, например, спросить: «какое сейчас время?» и услышать ответ, исходящий из мироощущений человека: «время сбора урожая», «смутное время», «время поста и молитв». Модерн же вкладывает в этот вопрос совсем иной контекст, который ныне стал для всех привычным: «сколько сейчас времени?». Жизнь покинула время, исчезла его качественная составляющая, время превратилось в простое исчисляемое количество. Конечно, субъективный аспект переживания временности остается. Гуманитарное знание упорно отстаивает свое право на специфическое понимание времени посредством понятий «историческое время», «культурная эпоха», «времена» и т.п. и борется против любых сциентистских нападок на историю, когда историческое время сводится к простой хронологии и хронометрии. Итак, можно констатировать, что некогда единое время распалось на две фактически изолированные области: объективное и субъективное. Такой дуализм мучителен для целостного восприятия мира. В этих условиях всегда актуальным будет хайдеггеровский призыв вернуть утраченное единство бытия и времени. Статья А.В. Павлова является своего рода ответом на этот призыв посредством глубокого философского анализа такого «экзистенциала», как современность [1; 2].

«Нетрудно заметить, – пишет автор, – что для активного человека любая общественная обстановка будет современной уже потому, что сама его субъективность означает восприятие реальности под углом проблем. Любое препятствие его целям и планам требует преодоления: его

надо разрушить и создать новые условия. В таком случае современность становится многообразием индивидуальных проблем, поиском и выбором способов решения, не только одним протестом, но и созиданием. Пойдет ли дальнейшее развитие по модернистскому пути или сложится что-то другое, зависит от того, какое решение проблем предпочтительней [1, с. 8].

Итак, как я встроен в современность? Через осознание себя во времени, точнее во временности своего существования. Как возникает во мне это осознание? Посредством столкновения с проблемами в «пограничных ситуациях» (К. Ясперс) жизненного опыта. В принципе, существует только одна граница, которая актуализирует вопрос моего существования – это граница времени: настоящего, насыщенного моим существованием или требующего моего осуществления-присутствия, и «ненастоящего», небытия – прошлого или будущего. Я начинаю ощущать острый дефицит своего существования, когда осознаю себя на этой границе. Меня «нет дома», т.е. в настоящем, я либо убежал из него в будущее в своих мечтах и фантазиях, либо застрял в прошлом в своей памяти. И в том и в другом случае я становлюсь несовременным. Я гоню от себя настоящее, я не могу в нем себя почувствовать, потому что оно мне кажется чужим, «не моим». Однако в состоянии пограничности есть и положительные моменты для моей экзистенции. Это состояние дает мне шанс осознать, что ничего другого, кроме настоящего, нет, ничего нельзя изменить, поэтому единственным выходом из этой ситуации будет возврат к себе самому, к своим глубинным личностным структурам. Таким образом, в осознаваемом мной временном разрыве слышится «зов» моей экзистенции. Где я себя потерял? Где я себя оставил, предал, проявил пренебрежение к себе, не позаботился о себе? Я должен найти себя здесь и сейчас, в этой ситуации, я должен стать современным, и в этом мое спасение.

Модерн выработал множество «технических» решений проблемы «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Но опять-таки здесь наблюдается та же подмена тезиса, что и с определением времени: экзистенциальное, субъективное содержание вопроса замещается на опосредованное, объективированное содержание. Например, «позаботься о себе!» и тут же под рукой оказывается «глянец» с услужливыми советами: измени свою внешность, позволь себе те или иные удовольствия, соверши путешествие, устрой себе отдых и т.п. Однако это только симуляции решений. Отсрочка приговора не означает его отмены. Или другой распространенный случай – это стремление быть современным, понятое буквально, как погоня за модой, будь то стиль одежды, образ жизни или технические усовершенствования. Все это симулякры, которые не дают возврата к себе, наоборот, они ведут по пути забвения, приятного сна наяву. Быть современным в подлинном смысле слова означает принять фактичность ситуации и выйти из нее не путем ее игнорирования или забвения себя, а путем изменения своего отношения к происходящему и к себе самому. Например, это может быть поводом расстаться с прошлыми обидами и тем самым прорваться из небытия-прошлого к бытию-настоящему. Или это может быть поводом покончить со страхами перед непредсказуемым и стремительно надвигающимся небытием-будущим для того, чтобы целиком и полностью сосредоточиться на бытии-настоящем. При этом внешне, скорее всего, наше поведение будет представлять собой реализацию советов из «глянца», разница будет заключаться только в осознании мотива: или мы всеми силами убегаем от себя или, наоборот, к себе возвращаемся.

А.В. Павлов пишет далее: «Современность – это умение жить и быть субъектом в соответствии с меняющейся реальностью, включая изменения самой структуры своей жизни и субъективности. Это особая культура жизни: проблемный, внутренне противоречивый и динамичный разум. Это ценности, восходящие не к воспроизводству достигнутого, а к поиску новых достижений, не к единообразию, а к многообразию личностей и формам их сосуществования» [1, с. 9].

Осуществить тот или иной жизненный выбор я могу только, исходя из определенной осознанной или неосознанной мной системы ценностей. Конечно, с осознанными ценностями жизнь переживается гораздо полнее. Осознание временности делает ценности актуальными, поскольку не нарушает их безусловного статуса, не позволяет им перейти в обусловленное. В «пограничной ситуации» временности

обусловленным являюсь я сам со своими прежними представлениями, теперь они поставлены под сомнение, потому что в этой ситуации они не работают. Осознание временности показывает мне всю несостоятельность моих прежних суждений о жизни. Возникает потребность в опоре или во внутреннем стержне. Именно тогда осознание ценностей становится самой важной жизненной потребностью. Осознание безусловного характера ценностей спасает в буквальном смысле этого слова. Мое пробуждение в настоящем, т.е. в подлинном понимании ценности как чего-то безусловного, абсолютного будет длиться до тех пор, пока я сам не нарушу этого достигнутого мной единства. В таком случае быть современным означает здесь и сейчас, в каждый миг своего существования утверждать и реализовывать то, что является для меня ценным. Забвение ценностей, их перевод в разряд обусловленного есть, таким образом, свидетельство моего выпадения из бытия, выпадения из современности.

Конечно, забвение ценностей не происходит в одночасье. Для того чтобы научиться забывать, требуется длительное привыкание. Сначала все наше существо сопротивляется этому. Мы не можем мириться с обманом, мы не можем быть равнодушными и безучастными, мы стараемся быть мужественными. Но потом появляется «ленивая» мысль: а что я смогу изменить? Обстоятельства выше нас. Так некогда безусловное для нас переходит в обусловленное. Более того, для этого «перехода» сразу же находится «разумное» оправдание: я ничего не могу изменить, потому что в мире есть зло. Конечно, мы при этом понимаем, что не в состоянии так просто судить о наличии «мирового зла». Более того, если мы познакомимся с философской литературой по этому вопросу, то увидим, что большинство философов дают на него отрицательный ответ, т.е. никакого объективного зла не существует. Тем не менее, осознание безусловного характера ценностей может быть надолго утеряно, поставлено под сомнение. Придумывая же для себя это оправдание, мы можем с уверенностью констатировать лишь одно – мы предали свои ценности, мы лишили их безусловного статуса, а, следовательно, мы предали себя, наше существование в настоящем превратилось в проблему, мы стали несовременными. «Современность, – пишет А.В. Павлов, – это нонконформизм, а несовременность – конформизм, первое – «я», осваивающее чужое и освобождающееся от него, а второе – «я», увязшее в чужом» [1, с. 10].

По словам автора, «для любого живого человека современность тотальна, и помимо нее ничего попросту нет» [2, с. 6].

Реальность, согласно К. Ясперсу, имеет свойство исчезать, а обретается она между Богом и экзистенцией. Мы не можем «прибить» реальность к какому-либо времени и месту, придать ей четкую фиксацию в пространстве-времени, потому что само пространство-время текуче и непрестанно меняется. «Объективированная реальность» – это скорее атрибут нашего интеллекта, нежели свойство самой реальности. Быть современным означает обретение реальности в пространстве-времени между двумя намеченными выше полюсами. Один полюс – трансценденция, безусловные ценности, Бог. Другой – экзистенция, уходящая корнями в бессознательное. Постичь эти полюса человеческому разуму не дано, ему открывается лишь «просвет бытия» (М. Хайдеггер) в ситуации «между». Это и есть современность.

Присутствие в реальности – это неповторимый жизненный опыт. Его уникальность человек пытается запечатлеть всеми доступными ему интеллектуальными или художественными средствами. Однако данные средства весьма несовершенны, дважды войти в одну и ту же реку не удастся никому. Моменты настоящего со временем превращаются в поблекшие забытые «фотоснимки»: на знакомых нам лицах запечатлелись моменты неведомого нам счастья. Однако именно переживания жизни во всей ее полноте, наш жизненный опыт, подвергаемый постоянному анализу, это и есть, по сути, единственная открытая для нас реальность. Существование же всего иного сомнительно. Ощущение полноты жизни дает нам возможность философствовать, исходя из самой жизни, и в эти мгновения рождается то интеллектуальное богатство, которое придает настоящему его неповторимый уникальный смысл. Поэтому быть современным означает видеть в жизни смысл. С одной стороны, смысл трансцендентен, вездесущ, но, с другой – нет такой жизненной ситуации, которая была бы лишена смысла, следовательно, смысл

имманентен, экзистенциален и открывается он только в момент настоящего, поэтому смысл всегда современен.

А.В. Павлов отмечает: «Онтология современности зарождается в индивидуальном самобытии человека, а он, в свою очередь, получает право оценивать мир в параметрах «современное/несовременное» всякий раз, когда встречается с таким же самобытием другого или не находит его» [2, с. 8].

Да, обретение смысла возможно только в подлинной коммуникации. Ведь в подлинной коммуникации встречаются экзистенции. Все внешнее уходит на задний план, поэтому нет смысла лгать, защищаться или обороняться. Только в этих условиях мое сообщаемое дойдет до адресата и будет понято. Таким образом, подлинная коммуникация даст мне возможность моего осуществления в настоящем, а другому – возможность погрузиться в себя на столь же глубокий экзистенциальный уровень. Большинство из нас привыкли жить в атмосфере лжи и притворства. В этой атмосфере любые, даже самые значимые слова обнаруживают нищету смысла. Но дело не в словах. «Нищета в нас самих, если мы делаем слово нищим» (В. Бибихин). Да, конечно, мы не хотим выглядеть «идиотами» Достоевского. Об этом говорить не принято, а об этом – неловко, эти темы лучше обойти, а этих тем лучше не касаться. Так из недомолвок и недоговоренностей сплетаются целые кружева лжи. Разорвать эти путы обмана становится все труднее, потому что многое из этого сплел я сам. В таком случае, разоблачения приходится начинать с себя. В этом контексте быть современным означает находиться в пространстве подлинной коммуникации. Разоблачая логику обмана, я приучаюсь блокировать в себе те привычки, которые ее закрепляют.

Стремясь к подлинной коммуникации, не нужно бояться быть непонятым. Лучше быть непонятым в правде, чем разоблаченным в обмане. Кроме того, подлинная коммуникация может осуществляться самыми разными способами, которые предложит нам сама жизнь, сама современность, так что, если «нет слов», смысл найдет себе другую дорогу. Как правило, самым верным знаком его присутствия является благоговейное молчание.

1. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.

2. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5–14.